

задача соединения «высокого и комического» станет программой его творчества.

Будучи истинным реалистом, — сказал докладчик, — Островский не мог не находиться в союзе с представителями русской революционной демократии, оказавшими серьезное, решающее влияние на его творчество. С пьесами Островского пришел на русскую сцену национальный положительный герой, зримый идеал эпохи.

Почти сорок лет связывали драматурга при жизни с Московским Малым театром, который с гордостью носит почетное имя «дома Островского». Новые качества драматургии нашли свое воплощение прежде всего на сцене этого театра.

Островскому обязаны многие актеры подлинным творческим рождением.

Докладчик назвал имена выдающихся артистов, которые по-настоящему обрели себя в пьесах Островского, которые были для них лучшим и самым совершенным сценическим материалом. Благородные демократические идеи, заложенные в произведениях замечательного драматурга, их подлинная народность, глубина и яркость характеров давали возможность каждому новому актерскому поколению открыть «своего» Островского, выразить через его произведения идеи своего времени.

Советский театр свято чтит Островского. Мы всегда учились и продолжаем учиться у него созданию большого искусства — искусства высокого реализма и подлинной народности, — сказал в заключение М. И. Царев. — Островский — драматург на все времена.

Театру нашего будущего предстоит еще открыть в его произведениях огромные пласты идей, мыслей, чувств.

Торжественный вечер, посвященный великому драматургу, завершился большим праздничным концертом.

шная картина характеров и нравов России XIX века. Но роль творчества Островского значительно глубже.

Величие русского драматурга — и в интернационализме его искусства. Гуманизм произведений Островского, его реалистичность, его правда жизни, его образность, его юмор всегда были близки и дороги разным народам. Творчество Островского оказало большое влияние на развитие театра Армении, Грузии, Украины, Азербайджана, Белоруссии. Благотворно его влияние и на мировую реалистическую театральную культуру. Пьесы Островского — в репертуаре театров братских социалистических стран, они — на сценах Швеции, Финляндии, ФРГ. Показательно, что интерес к драматургии Островского за рубежом не только не ослабевает, но и растет.

В одном из писем к драматургу Лев Толстой писал: «Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно — общенародным в самом широком смысле писателем».

Октябрьская революция осуществила мечты Толстого. Именно после Октября обрел Островский в нашей стране всеобщее признание. «Не забудьте Островского!» — заметил В. И. Ленин, обсуждая вопрос о том, кого из великих демократических писателей прошлого издавать в первую очередь.

Пьесы Островского сегодня звучат на многих языках народов СССР.

Воздавая благодарную дань памяти великого соотечественника, мы пришли в этот зал, пришли на вечер, посвященный 150-летию со дня рождения большого художника-реалиста, глубокого знатока жизни народной. Здесь торжество.

А в тиши Третьяковской галереи смотрит с портрета Островский, смотрит живо, пристально, будно ждет, что же скажут люди ему сегодня.

И сегодня, с этой сцены, в этот памятный вечер мы можем и должны сказать ему:

— Спасибо, Александр Николаевич! Великое вам спасибо от всего народа!

Спасибо за огромный труд, за талант, отданный людям, за пьесы, которые и сегодня, шагнув в новый век, учат жить, трудиться, любить — учат быть настоящим человеком!

Спасибо вам, великому русскому драматургу, за то, что и сегодня для всех народов многонациональной советской страны вы остаетесь нашим любимым современником!..

Н

А ПЕРВОМ листе большой, в твердом переплете тетради, напоминающей конторскую книгу, рукой Островского выведено:

Замечательные русские простонародные рассказы, притчи, сказки, присказки, побасенки, песни, пословицы, поговорки, обычаи, поверья, областные слова, происшествия, биографии, прозвища, клички, брань, письма и проч... Начал собирать в апреле 1854 года.

До сих пор считалось, что у Островского не было творческих «записных книжек», подобных тем, какие мы находим у Достоевского или Чехова. Однако рукопись с приведенным выше названием, хранящаяся в фондах Пушкинского Дома в Ленинграде, свидетельствует, что и Островский, по крайней мере в раннюю пору творчества, пользовался этим инструментом писательского труда. Свою тетрадь он рассматривал как кладовую любопытных сюжетов, ярких, острых словечек, выразительных пословиц, которые могли ему пригодиться в пьесах. Но даже если бы он не использовал их в своем творчестве, эти анекдоты, словечки, выражения заслуживали, на взгляд драматурга, чтобы их закрепили на бумаге — просто как блестящие живой и меткой народной речи.

Свою тетрадь он успел заполнить лишь в сравнительно небольшой части — его, по-видимому, отвлекла спешная работа над очередной пьесой «Не так живи, как хочешь» (надо было поспеть к бенефису артиста Полтавцева), а после он не вернулся к своим записям. Но и то, что им сделано, чрезвычайно интересно для нас как поиски драматургом живого фольклорного материала в самых разных сферах народного быта.

Целиком рукопись будет впервые напечатана в составе одного из томов нового полного собрания сочинений Островского в 12 томах, предпринятого издательством «Искусство» к юбилею драматурга. Но с существен-

но, и черты вашего лица пронзительны моему сердцу, но ни смею на речах объявить вам мое чувствование. Как ваша прелесть поразила мои чувства признаюсь милая Моя. Чувствованная мною к вам Любовь коснулась до Границ моего сердца пылающего пламенем любви и когда я ни вижу Вас, то объят бываю унылою тоскою и тяжкие мои вздохи обременяют болеть Грудь мою. Жальтесь нате пленником вашим. Скитаясь любовными оковы с моего сердца и дайте мне знать чувствование нежного сердца вашего и будет ли вам расположение на мое страдание и я уверяю вас что любовь свою свыше сохранив в чистоте души моея и не прекращу до тех пор когда мои очи сокроюца вечным сном и любовь моя прекратится. Но ежели ваши очи сокроются вечным сном и пирсылятся в земные недры, то и тогда любовь моя не истрибится. К вам приду на гроб ваш пошлю розы и лилей и полюбю их горячмы слезыми дабы ония взошли в полною блеске и в прекрасной весне, где будет скрыт неоцененный друг для моего сердца. Затем прощайте, остаюсь с нетерпением в ожидании вашего ответа за очна целую вас тысячу раз.

Друг мой, прими вздох мой, окончи желание, соверши страдание, помилуй, бох пленных, соедини влюбленных, которые живут отдаленно. И уведомьте меня в своем плане, где нам с вами иметь свидание. 1849 года февраля 24 числа,

Такого рода письма — цветы образованности купеческого Замоскворечья — Островский широко использовал в комедийной трилогии о Мише Бальзаминове. К характеристике приведенного драматургом в его тетради письма так и просыпаются слова из комедии «Свои собаки грызутся, чужая не приставай», где сваха Красавина объясняет Бальзаминову, что такое «амурное письмо»:

«Другой ведь напишет, просто страм; а это хоть барышне дай, так ничего. От этого письма она и приди

Островский не ставит всякий раз перед репликой имя действующего лица, но это не мешает нам видеть, кто говорит, представлять саму картину действия, движения, позы: пьяный кураж фабричного, робкие попытки Анисьи осадить его и плачевную развязку этой комической сцены. Еще существеннее набросок — на этот раз как бы уже в двух действиях — «Глеб Тимофеев», рисующий грязную и душевно бедную, грубую жизнь, какой живет прислуга в богатом барском доме, — тема, предвещающая отчасти мотивы пьесы «Не сошлись характерами!».

ГЛЕБ ТИМОФЕЕВ

[1]. Кучер сидит с барским камердинером в трактире.

— Я тебе, Миколай Микитыч, вот что скажу... потому ты человек внове, а я тебя всему эфтому делу могу руководствовать... Известное дело... барский камардин... тебя барыня ужасно любит, потому ты человек внове... А Глеб Тимофеев ума достойного... Приходи уж в конюшню. Сейчас к Акулине Кузминишне на пирог... А Аксютку... погость... Я отца твоего маханького знал, потому как есть все произведем... Барина свезу в киятру, а отсюда все дела справим... Давай французской водки... Приехал в конюшню. Аксютка... я евтого терпеть не могу... По крайности для тебя, Миколай Микитыч... что б ты, значит, помнил... Приходи в конюшню, мы ее сиком обделаем, если супротивничать станет...

[2]. Сидят в кухне две кухарки,

— Вот, кума... Слава те господи... благодарить бога можно... живу как есть... хозяйка у меня добрая... кусок у меня хороший. Вот вина есть... выпьем! Что ж такое, праздничное дело не выпить!.. А я пряничных орешков поставлю...

Взвейся выше, понесися, Сизокрылый ты мой голубок!

из неопубликованного и забытого

ТЕТРАДЬ ОСТРОВСКОГО

ными фрагментами этой интересной рукописи можно уже сейчас познакомиться читателей.

Открывается тетрадь народным анекдотом, записанным, по пометке Островского, его приятелем А. Стаховичем.

Мужик попал в ад, и видит в аду своего приходского попа, который сидит по горло в смоле.

Мужик: Эх, батюшка, это что ж? Нас учишь, а сам попал, да еще так глубоко.

Поп: Молчи, холоп! Подо мной протопоп, а то бы я еще глубже утоп.

Этот незамысловатый анекдот интересен тем, что имеет откровенно антицерковный характер и как бы подтверждает наблюдение Белинского в письме к Гоголю о безрелигиозности русского народа, рассказывающего о своих пастырях грубоватые сказки. Вдвойне интересно, что Островский записывает это в ту пору, когда, как принято считать, на него наибольшее воздействие оказала концепция славянофилов с их защитой православного благочестия.

Островский заносит далее в свою тетрадь переданный отцом Ап. Григорьева фантастический рассказ, как один купчик влюбился без памяти в губернаторскую дочку и продал душу черту, чтобы жениться на ней, и как потом хитроумная жена провела черта, когда он явился за расплатой, — еще один простонародный сказочный вариант известного сюжета. Записывает диалог деревенского жениха с невестой. А затем приводит — с наблюдением орфографии подлинника — текст любовного письма, вероятно, какого-нибудь напояженного приказчика. Письмо это так и просится в одну из пьес Островского.

ПИСЬМО

Единственный предмет души Моей, милый друг. Осмеливаюсь я вас беспокоить сим письмом. Свидетельствую я вам мое почтение и заочно посылаю воздушное поцелуй и я надеюсь что вы из я снимую мою к вам Любовь не открития никому а таино сохраните в своем нежном сердце... То позвольте мне вам из ясниться, что я пинаюсь вами так, что которой страсти я не могу описать вам. Ваше свидание мне очень было ма-

ло, и черты вашего лица пронзительны моему сердцу, но ни смею на речах объявить вам мое чувствование. Как ваша прелесть поразила мои чувства признаюсь милая Моя. Чувствованная мною к вам Любовь коснулась до Границ моего сердца пылающего пламенем любви и когда я ни вижу Вас, то объят бываю унылою тоскою и тяжкие мои вздохи обременяют болеть Грудь мою. Жальтесь нате пленником вашим. Скитаясь любовными оковы с моего сердца и дайте мне знать чувствование нежного сердца вашего и будет ли вам расположение на мое страдание и я уверяю вас что любовь свою свыше сохранив в чистоте души моея и не прекращу до тех пор когда мои очи сокроюца вечным сном и любовь моя прекратится. Но ежели ваши очи сокроются вечным сном и пирсылятся в земные недры, то и тогда любовь моя не истрибится. К вам приду на гроб ваш пошлю розы и лилей и полюбю их горячмы слезыми дабы ония взошли в полною блеске и в прекрасной весне, где будет скрыт неоцененный друг для моего сердца. Затем прощайте, остаюсь с нетерпением в ожидании вашего ответа за очна целую вас тысячу раз.

Характерно, что записи Островским в его тетради сюжетов, наблюдений, как правило, тяготеют к форме сценического диалога. Порой это как бы готовые наброски пьесы. Таковы законченными небольшими сценками, прекрасно рисующими в живой речи характеры лиц и бытовые отклонения, являются «Полпивная» и «Глеб Тимофеев».

ПОЛПИВНАЯ

Фабричный идет с любовницей в полпивную.

— Анисья! Пойдем, косушечку раздадим... Что же такое!.. Важное дело!.. Праздник... (Смотрит на монету). Ты, значит, двугривенный, а я тебе орла-то протру! Ты у меня завизжишь!.. (входят в полпивную).

— В лучшем виде, пару ваксоновского. Ты только, Анисья, распочувствуй, что я за человек!.. (ударяет себя кулаком по груди). Мастер один ва анперии!..

«А я тебе говорила, чтоб ты с подлещами не екался».

— А хозяину мы уважать не согласны, почему что триста рублей получаем — триста рублей пропиваем!.. значит на свои!

«А я тебе говорила, чтобы ты ёрническому компании не водил...»

— Потому мы все документы знаем... Мозги!.. Трубку жуковоского...

«Они те выведут... Я же говорила...»

— Он говорит — пару пива, а я пирог заказала, а он графын потребовал, а я говорю... а он говорит... а я гов... обидно!.. (ударяет кулаком по груди).

«Картина семейного счастья».

Иллюстрация художника П. М. БОКЛЕВСКОГО

— Какая песня-то оказная! Вот так тебе в чувствие производит, На том ме...

(Входит Глеб Тимофеев).

— Акулина! Ты что тут крамьльничашь? Что ты крамьльничашь, ты мне скажи! (Увидав другую кухарку). Акулина, кто это? Ктой-то?

— А это, Глеб Тим[офеевич], кума моя... вместе в кухарках жили...

— Покорнее благодарим! Нам очень приятно, что вы с нами компанией имее... Милости просим садиться. Акулина, хлопочи! Давай вина нам, закуски давай... Покорнее благодарим...

— А я, Глеб Тим[офеевич], провалиться на месте, я пирогов ноне не пекала...

— Ты!.. Топну ногой — понимаю, что значит! Поди купи селедку... да в квасу вымой... Напредки милости просим, потому нам очень приятно... Да ты хребет не бросай: я его обсоус... Не безсудьте, что выпили маненько. Нашему брату нельзя, потому у нас знати много... Покорнее благодарим, что вы нашу компанию имее... Вот [Миколай] Микитыч, барский камардин, мининник, холуям дал полтинник, а мне говорит, Глеб Тим[офеевич]...

(Окончание на 9-й стр.)

ТЕТРАДЬ ОСТРОВСКОГО

(Окончание. Начало на 5-й стр.)

ев], пойдем, говорит, на Молчановку, я тебя, говорит, ко другим не сравняю... Коли не противно, напередки милости просим, нам очень приятно, что вы с нами... Куда она мою трубку забельшила?

Выразительный образ маленького самодура и барского холода создан в наброске сцен «Глеб Тимофеев». Лакейское хамство, грубость, разврат, самодовольство — все сошлось в этом характере, как бы отразившем в искаженном зеркале пороки барской среды, вплоть до испорченных ее словечек: «княтра» — «театр», «крямыльничать» — «кромольничать» и т. п. Как жаль, что пьеса, заготовкой к которой могли служить эти сцены, так и не была написана. Препятствием к этому мог служить и страх перед цензурой, обычно оберегавшей зрителей от изображения картин «грязного быта». Еще меньше шансов быть использованной в пьесе, и на этот раз уж несомненно по цензурным обстоятельствам, имела миннатора «Барин и извозчик», занесенная Островским в его тетрадь.

БАРИН И ИЗВОЗЧИК

Барин. Извозчик!

Извозчик. Куда прикажете?

Барин. Полтора аршина кверху.

Изв[озчик]. Извольте, сударь. Шея ва-ша, веревка наша.

На глупую шутку барина следовал ответ, от которого попахивало пугачевщиной. Можно представить себе, как звучал этот анекдот в ту пору, когда крепостное право еще не было отменено.

Помимо отдельных сценок, Островский заносил в свою тетрадь и краткую запись сюжетов, идеи будущей пьесы, отмечал поразившие его чем-то жизненные факты. Вот запись сюжета, отозвавшегося позднее в таких образах, как купец Курослепов из «Горячего сердца», допившийся до того, что ему кажется — «небо валит-ся».

ЗАГУЛ

Купцы после Святой недели, сосчитав лавку, обыкновенно закупают. Этот загул продолжается у иных недели три. По совету жены и приходского священника они ходят к Троице и, как говорится, обрывают. Один из таких купцов загулял и сидит в комнате, никого к себе не впуская, кроме кухарки, которая исполняет его требования насчет закуски и т. п.

Под общим заголовком «Драматические идеи и положения» Островский записывает главную мысль своей пьесы «Не так живи, как хочешь», первоначально называвшейся несколько иначе:

«Идея пьесы «Божье крепко, а вражье лепко». Брак дело божье. — Любовь и

сожитие только крепки в браке, только над браком благословение, в браке мир и тишина, несчастье легко переносится, счастье ускоряется. Нелюбовь между супругами всегда приводит к дурному и показывает на отсутствие нравственных начал по крайней мере в одном из супругов».

А вот заметка, возникшая как бы из дневниковой записи и получившая такое общее заглавие:

«Случаи из жизни, имеющие драматический или какой бы то ни было общий интерес.

П[ров] М[ихайлович] 5-го окт[ября] у меня вечером говорил, перевозно Мейерберова «Роберта»: совестно слушать эту оперу во фраках, в театре должны сидеть рыцари и дамы».

Островского поразило соображение его друга — актера Прова Садовского — об опере «Роберт-Дьявол», и он счел нужным специально отметить это в своей тетради.

Несомненный интерес представляет следующий большой раздел тетради — пословицы и поговорки, записанные Островским со слуха или по памяти. Частично они известны, частично представляют собою свежий фольклорный материал. Некоторые из них использованы драматургом в его пьесах. К иным Островский делает в скобках примечание — (Костр.), указывая на их происхождение из костромской земли, родины отца драматурга. Вот лишь часть этих записей:

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ПРИБАУТКИ

Кабы не плешь, так бы не голо.
Франт собака, что год, то рубаха, а порткам смены не бывает.

Не бойся смерти, бойся греха, (Костр.)

Несчастному Кузинеке несчастная и песенка.

Хваленое слово гнило.

Не загадывай вперед, а загадывай, что в рот.

Как из купели, так и теперя (поговорка девок).

Попал, как черт на мель (прибаутка).

Черт новой ловли, не нашего кабака.

Ударил погодка, началась молотба.

Началась драка, не жалеи волос.

Любим Торцов. «Бедность не порок».

Иллюстрация художника П. М. БОКЛЕВСКОГО

Чужие легки руки, да все не к сердцу. Сам-от прост, да привязан хвост, (Костр.)

Дворянская кровь в Петровки скиснет. Талан-доля, иди за мною! Я буду счастлив, и ты будешь счастлив. (Приговор, чтобы был успех в деле).

Что весел, аль украл что? (Насмешка). Ходите почаще, без вас веселей. Ходите почаще, нам без вас дураков скучно. (Купеческие поговорки).

В одном кармане смер-кается, в другом заря занимается.

Шуми деревня, три двора, четыре вора.

Ни жена, ни дети, один кот на повети.

Борода-то Минина, а совесть-то глиняна.

Уж пиши на плечи дол-говые гроши.

Не по нутру ерофеич поутру.

Умудряет бог сленца, а черт кузнеца.

Мужик за спасибо три года работает.

Не менее интересен и другой раздел тет-ради, озаглавленный:

«ПРОЗВИЩА, КЛИЧКИ, БРАНЬ»

Вот где недвусмысленно выражается народное отношение к квартальному, буточнику, чиновнику. Народ назовет, как печатью прихлопнет. Юмор, порой совсем не добродушный, оттеняет социальный смысл той или иной клички. Итак, народ ругает:

Злое сукно (кварталь-ного надзир[ателя]).

Кислая смерть (Буточника).

Пеньковая гвардия (Его же).

Типун—дворянка, барыня чьих господ (Горничную).

Дикой барин, стрюцкой, стрекулист (Франтов).

Свинцовая гайка (Франтов).

Четверть благородия вымерзла (чинов-ников).

Подъячий, камень-те горячий.

Чиновников в небольших чинах: Ваше высоко-ничего-накануне-благородия.

Островский, по-видимому, пополнял свою тетрадь всю весну, лето и осень 1854 года. Но потом отложил ее в сторону за срочной работой и, возможно, даже забыл о ней. Ныне эта тетрадь, содержащая ценный материал для изучения биографии и литературного труда Островского, может читателям проникнуть в творче-скую мастерскую великого драматур-га.

В. ЛАКШИН